

О. Н. Нагмов
(Москва)

ДАТИРОВКА ГЕРБА КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Герб уже давно признан полноценным историческим источником, который объективно и всесторонне отражает прошлое¹. Следовательно, к нему применимы все методы внешней и внутренней критики источников. Неотъемлемой частью такого анализа является установление даты, благодаря чему происходит интеграция источника в хронологическую систему и возникает возможность широко использовать его в познавательном процессе.

Бытование герба специфично (через обязательную интеграцию с носителем) и выражается двойственно — в визуальной (изображение) и/или вербальной (текст) формах. Все это обусловило своеобразие временных координат, в которых существует герб, и создает определенные трудности при его датировке. Прежде всего необходимо четко определить объект, дифференцируя герб как абстрактное явление и как часть письменного или вещественного памятника.

Рисунок и его носитель находятся в сложном информационном диалоге. Хронологически он реализуется в том, что визуальные особенности герба способствуют датировке самого памятника, но бывает и обратная ситуация, когда предмет помогает установить время изображения.

Чаще всего герб и его носитель хронологически совпадают, однако этого может и не произойти. Известны случаи, когда начальная версия рисунка заменялась или он наносился позже. Такая модификация представляла собой событие чрезвычайное и должна была иметь веские причины: смена владельца или его статуса в социальной иерархии (получение титула, награждение орденом), официальное признание древности рода, политические потрясения и другое. Описанную корректировку часто пытались скрыть, стремясь сделать так, чтобы новый вариант соответствовал носителю по художественному стилю и не нарушал целостность предмета.

В наименьшей степени это характерно для территориальной геральдики в силу ее официального бытования, которое требует визуального соответствия законодательно закреплённому образцу.

Если герб и его носитель были асинхронны, то их даты необходимо различать. В данном контексте показательна история портрета Н. И. Тишнина работы Н. Вишнякова (1755), где герб оказался пририсован позже и другим художником. По всей видимости, такая интерполяция связана с желанием членов семьи подтвердить свой дворянский статус, для чего требовалось представить «издревле» употреблявшийся герб, и подправленный портрет стал этому «доказательством»². Датировка герба в таком

случае, разумеется, отличалась от хронологии самого портрета, и, скорее всего, рисунок относится к началу XIX века.

В самом изображении может присутствовать несколько хронологических слоев. Это происходило, когда его начальная версия изменялась. Такие модификации были популярны в периоды социально-политических кризисов, при отторжении прежней знаковой системы. В частности, после 1917 года с предметов механическим способом удалялись дворянские гербы или их фрагменты (чаще всего короны)³. Со зданием убирался государственный герб Российской империи или герб владельца. Это инициирует дополнительную хронологическую константу — момент изменения изображения, а датирующим признаком становится время самих политических событий.

Распределение рисунков герба одного владельца на различных вещественных носителях во временной последовательности дает представление об иконографической эволюции символа и служит одним из основных способов его изучения.

Существенным этапом хронологического анализа герба является его правовое признание, если таковое, конечно, имелось. Факт утверждения верховной властью прямо связан с сущностью герба как опознавательно-правового знака и отделяет его от эмблемы.

Герб утверждался или в форме рисунка, или в форме описания, или как единство того и другого. Для датировки это не имеет принципиального значения, поскольку важно само наличие правовой санкции. Она осуществлялась индивидуально или в составе какой-либо группы. Например, датой утверждения всех гербов, входящих в конкретный том «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», был день, когда его подписал император.

Для правовой полноценности достаточно однократной санкции, но в реальности герб мог получать ее несколько раз. Причем не в различных визуальных версиях, а как инвариантное изображение. Так происходило, когда герб сначала утверждался в жалованной грамоте на дворянское достоинство или титул, а затем в составе тома «Общего гербовника». В данном случае моментом официального признания следует считать первую дату, а дальнейшие действия только свидетельствовали о правомочности символа. На практике это означает, что герб графов Скавронских был утвержден 9 мая 1729 года, когда Петр II подписал диплом на их титул, а не 22 октября 1800 года, когда Александр I утвердил пятую часть «Общего гербовника дворянских родов», куда его внесли⁴.

Российское законодательство требовало утверждать каждое изменение в изображении, что вполне согласовывалось с теорией геральдики, согласно которой любая визуальная модификация порождает новый герб. В реальности указанная норма выполнялась не всегда, хотя в одном роде и даже в одной семье могли синхронно бытовать различные иконографические варианты, причем среди них были и общие, и индивидуальные. Персонификация происходила либо путем присоединения герба другого лица (для брачных версий), либо благодаря изменению эмблем самого герба, либо через дополнение орденовыми знаками. Варианты существовали на правах неутвержденных гербов, и их датировка представляет собой самостоятельную источниковедческую задачу.

Некоторые дворяне подавали свои уже официально признанные гербы для повторного утверждения, сделав в них незначительные визуальные корректировки. Обычно так происходило, когда какая-то ветвь рода стремилась самоидентифицироваться

и декларировать самостоятельность⁵. Необходимость новой санкции возникала также при изменении положения владельца внутри социальной иерархии, например при получении титула (в частности, министр Военно-сухопутных сил А. А. Аракчеев, последовательно бывший дворянином, бароном и графом, имел четыре соответствующих герба, причем графский существовал в двух вариантах – с различными щитоносителями герба).⁶

Для государственных и территориальных гербов иногда известна дата завершения официального использования, поскольку она закреплялась правовыми актами и устанавливалась.

Если владелец герба перемещался на службу или жительство в другое государство, возникала необходимость признать символ заново. Дело в том, что герб, как и интегрированное с ним дворянское достоинство, не носил глобальный характер, а был связан с конкретной страной. На территории иного государства он утрачивал официальный статус, и повторная правовая санкция оказывалась необходимой, порождая еще одну дату.

Юридические процедуры детерминируют множество хронологических моментов, отражающих взаимоотношения герба с властью (основополагающая дата начального признания и последующих подтверждений, обусловленных визуальными изменениями, официальными имматрикуляциями, социальной и пространственной мобильностью владельцев). Каждая из них отражает определенный этап в истории герба, а в совокупности они составляют хронологическую систему, которая верифицирует источниковедческий анализ вещественных памятников.

С утверждением герба во многом связана его имматрикуляция, то есть помещение в какой-либо гербовник. Она могла происходить одновременно с официальным признанием, как было с символами, попавшими в «Общий гербовник» и не имевшими до того правовой санкции. Однако даты утверждения и имматрикуляции синхронны не всегда, если гербовник неофициальный или герб признан властью ранее. Правовой статус гербовника не имеет принципиального значения при источниковедческом анализе, поскольку дата имматрикуляции в любом случае указывает момент интеграции герба в геральдическое пространство, закрепляет его место в символической и социальной иерархии⁷, перемещает в исследовательское поле, создавая как минимум потенциальную возможность изучения. Инкорпорация герба в конкретное собрание, по сути, идентична его помещению на вещественном носителе, представляя собой один из случаев визуального и/или вербального бытования. При этом следует учитывать, что совокупность гербов, изображенных на конкретном предмете, также трактуется в историографии как особая разновидность гербовников.

Хронологическая система конкретного гербовника специфична, множественна⁸. С одной стороны, любой подобный памятник является целостным, но, с другой, состоит из гербов, каждый из которых также является самостоятельным источником, имеющим собственную дату. Объединяясь, гербы сохраняют источниковедческую идентичность, но обретают новое качество, а их временная система дополняется еще одной константой.

Имматрикуляция герба, как и утверждение, могла повторяться многократно. В отличие от правового признания, когда существенное значение имеет приоритет, все фиксации герба в геральдических собраниях равноправны и каждая такая дата указывает не только на эволюцию символики, иконографии или художественного воплощения, но часто

и на этапы социогенезологической истории рода. Например, герб Веневитиновых имматрикулировался три раза: в «Гербовнике» А. Т. Князева (1785), «Общем гербовнике дворянских родов» (1799) и в эмигрантском «Гербовнике русского дворянства» И. Третьякова (1946)⁹. Из этого следует, что геральдизация рода произошла не позднее второй половины XVIII века, была закреплена вместе с дворянским статусом вскоре после введения в России соответствующего законодательства, а в XX веке Веневитиновы адаптировались к постреволюционной ситуации, избрав вариант эмиграции.

Время имматрикуляции герба не следует отождествлять с датой публикации гербовника, поскольку моменты создания памятника и его археографического освоения могли различаться. Например, между составлением «Гербовника» А. Т. Князева и его первой публикацией прошло почти 130 лет.

Все перечисленные события (использование на предметах – утверждение – имматрикуляция) отражают социокультурное бытие герба, создавая своего рода «внешнюю» хронологическую систему. Каждое из них носит частный характер по отношению к датировке герба как визуально-семантической сущности, вне вещественного носителя.

Дело в том, что герб сам по себе абстрактен, концептуален и его экзистенция не исчерпывается только бытованием на предметах или в вербальном виде. Выдающийся французский историк М. Пастуро справедливо писал о геральдических цветах, что они «абсолютные, абстрактные, почти нематериальные», а «цвет здесь важен как идея, а не как материальная и хроматическая реальность»¹⁰. Этот тезис может быть распространен на герб в целом.

Датировка герба как идеи, вне конкретного носителя, заключается в определении длительности его существования в целом, от момента формирования до прекращения употребления, если такое имело место.

Генезис происходил различными способами. Во-первых, эволюционным, когда герб формировался постепенно, в процессе развития рода, государства или региона из существовавших ранее символов; как правило, это был длительный процесс, занимавший несколько десятков и даже сотен лет. В данном случае даты начала и завершения генезиса примерны и трудно определимы. Моментом окончания можно считать правовое признание, поскольку именно тогда эмблема, даже если она ранее имела все иконографические признаки герба, приобретает геральдический статус несомненно. Во-вторых, герб мог быть составлен за сравнительно короткий период, если генезис являлся целенаправленным актом. Это происходило, когда его сочиняли в официальных органах герботворчества. В таком случае процесс был бюрократизирован и отличался от подготовки обычного делопроизводственного документа только наличием визуальной составляющей. Генезис разделялся на несколько этапов: инициатива (прошение), собрание подтверждающих право на герб документов, составление, редактирование, согласование, утверждение. Вся процедура занимала несколько лет, а в конце XIX века – часто около года-двух. Например, работа над гербом генерал-майора Г. С. Осипова продолжалась с января 1911-го по март 1912 года¹¹.

При таком способе формирования дата подачи прошения в соответствующее государственное учреждение не обязательно была моментом возникновения герба. Он мог использоваться в течение десятков лет, пока не появлялась необходимость официального подтверждения. Кроме того, возникновению герба часто предшествовал период самостоятельного бытования эмблем, которые в дальнейшем в него входили.

Период существования определенного герба как идеи – это своего рода его «внутренняя» хронологическая система, соотносимая с процессами, происходившими в обществе. Она определяется на основе комплексного анализа датировок, образующих «внешнюю» хронологию, что требует полного выяснения последовательности всех дат, относящихся к конкретному гербу, а в некоторых случаях и составляющих его эмблему. Именно «внутренняя» хронология герба обеспечивает его стабильность как объекта анализа и преемственность познавательного процесса.

Герб существует в четырех временных системах: имматрикуляции, утверждения, использования, как идея, причем только последняя из них обязательна, а наличие или отсутствие других индивидуально.

Символ может быть или не внесен в гербовник, или не утвержден властью, или не использоваться на предметах. Датировка каждого герба должна основываться, с одной стороны, на точном разграничении указанных категорий, а с другой – на понимании его хронологической целостности как объекта познания, источника объективной информации и феномена культуры определенной эпохи.

- ¹ Лукманский В. К. Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 17. С. 49–57; *Он же*. Гербовая экспертиза: случаи и способы применения // Архивное дело. 1939. № 1. С. 46–76; *Вилинбахов Г. В.* Понятие геральдики // *Miscellanea humanitatis philosophiae: Очерки по философии и культуре*. СПб., 2001. С. 14–24. Подробнее об источниковедческой концепции в русском гербоведении см.: *Наумов О. Н.* Научная геральдика России. М., 2013. С. 189–239.
- ² *Яровая Е. А.* Геральдические предметы из собрания Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: опыт атрибуции // *Гербоведение*. 2016. Т. 5. С. 54–56.
- ³ Например, в литературе описан соусник 1840-х годов с гербом принцев Ольденбургских, в котором срезана корона («Под гербовой моей печатью»: Бытование фамильного герба в России XVIII–XX веков: Из частных собраний: каталог. М., 2013. С. 118).
- ⁴ [Тройницкий С. Н.] Диплом на графское достоинство Карлу и Федору Скавронским // *Гербовед*, издаваемый С. Н. Тройницким, 1913–1914. М., 2003. С. 210–213; *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*. СПб., [1800]. Ч. 5. № 8.
- ⁵ Например, А. Н. и Ю. Н. Щербачевы получили в 1904 году разрешение изменить ранее утвержденный за родом герб. Новая версия с щитодержателями и обращенным в другую сторону львом внесена в XVIII часть «Общего гербовника дворянских родов» (Щербачев О. В. Щербачевы // *Дворянский календарь*. СПб., 1999. Тетр. 7. С. 120).
- ⁶ *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*. СПб., [1799]. Ч. 3. № 7; Ч. 4. № 15, 70; СПб., [1816]. Ч. 9. № 3.
- ⁷ См.: *Наумов О. Н.* Научная геральдика России. С. 80–105.
- ⁸ См.: *Наумов О. Н.* Очерки по русской геральдике. М., 2014. С. 97.
- ⁹ *Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи*. Ч. 4. № 87; *Гербовник А. Т. Князева 1785 г.* М., 2008. С. 45; *Trojanoff I. de.* Armorial de la noblesse de Russie. [Bruxelles, 1946]. P. 187.
- ¹⁰ *Пастуро М.* Черный: История цвета. М., 2015. С. 54.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1263.